

Н.И. НАДЕЖДИН О ТАИНСТВЕ ПЛАТОНОВОЙ МУДРОСТИ

Л.Я. Подвойский
(Россия, Астрахань)*Светлой памяти
Геннадия Григорьевича Глинина
Посвящается¹*

В статье анализируется маленькая монография о Платоне русского мыслителя Н.И. Надеждина, известного более как критика и журналиста, чем философа. Дана критическая оценка некоторых его трактовок философского учения Платона.

The little monograph about Plato written by N.I. Nadezhdin who's known more as critic and pressman than philosopher is analyzed. The critical evaluation of some of his interpretations of Plato's philosophical study is given.

Ключевые слова: философия, идея, идеализм, платонизм, культура, система.

Key words: philosophy, idea, idealism, platonism, culture, system.

Особенность явного или латентного влияния философских взглядов Платона на русскую философскую культуру на протяжении многих столетий состоит в том, что оно не ограничивается только собственно философией (как справедливо подчеркивает А.П. Глазков, «на Руси, начиная с древности, т.е. с киевского периода, знали о греческой философии и о философии Платона» [2, с. 168]). Оно также явно или латентно проявляется и в философской составляющей различных дисциплин: в этике, в эстетике, в прозе, в поэзии, в публицистике, в художественной критике. Именно с учетом этого обстоятельства нами был введен термин «платоносфера» [9, с. 174]. Пожалуй, трудно назвать еще одного философа кроме Платона, интеллектуальное воздействие которого на мировую и русскую философскую мысль было бы столь сильно, глубоко и многогранно.

В отечественной философской культуре это влияние зачастую было опосредованным, через творчество других мыслителей, опиравшихся на Платона, в частности, через Ф.В.И. Шеллинга. Среди профессоров-словесников к шеллингианцам принадлежал Николай Иванович Надеждин (1804–1856) – ученый, видный литературный критик, журналист.

Об отношении Н.И. Надеждина к Платону и о наличии идей платонизма в творчестве Н.И. Надеждина говорится в ряде научных исследований по истории русской философии. Так, по утверждению З.А. Каменского, «маленькая монография Надеждина о Платоне удивляет широтой охвата сочинений Платона, опорой на первоисточники, обобщенностью взгляда и результата» [2, с. 920]. А.И. Абрамов писал о благосклонном отношении Н.И. Надеждина к Платону, который считал греческого философа столпом истинной философии [1, с. 221].

¹ *Несколько слов по поводу посвящения.* Автору этих строк посчастливилось быть близко знакомым с доктором филологических наук, профессором Геннадием Григорьевичем Глининым (05.09.1939 – 23.09.2010) и в течение длительного времени работать вместе в Астраханском государственном университете, где он на протяжении двадцати лет занимал должность проректора по научной работе. Хорошо известно, что Геннадий Григорьевич всегда проявлял живой интерес к русской философии. В разговорах он неоднократно приводил в пример Николая Ивановича Надеждина как одного из русских мыслителей, философская сторона научных исследований которого далеко не в полной мере оценена потомками. Я, будучи тогда, к сожалению, еще совершенно не знаком с философским творчеством Н.И. Надеждина, как-то дал слово устранить этот пробел в своих философских познаниях, чтобы потом на равных поговорить о нем с Геннадием Григорьевичем. К великому сожалению, я не успел этого сделать при его жизни. Поэтому данная статья – это знак моей признательности и моего глубокого уважения к личности Геннадия Григорьевича Глинина, а заодно и запоздалое выполнение своего обещания...

Анализу философского творчества Платона Н.И. Надеждин посвятил монографию, написанную и первоначально изданную в виде трех статей:

«Платон, философ оригинальный, систематический», «Идеология по учению Платона», «Метафизика Платонова». Собственно говоря, анализ дается во второй и третьей статьях, тогда как в первой представлена общая оценка Платона как человека и мыслителя-философа.

Но прежде чем рассмотреть эти статьи, обратим внимание на оценку философской системы Платона. Дело в том, что в суждениях Н.И. Надеждина мы видим явное противоречие относительно этого вопроса. Так, называя Платона философом «оригинальным и систематическим», он в то же время подчеркивает, что в его разговорах совсем нет никакого систематического единства, что показывает дух более аналитический, нежели синтетический [7, с. 553]. В другом месте Н.И. Надеждин утверждает, что Платоном было приведено в одну, полную систему все, что заслуживает внимание взора человеческого, и что было почтено его взглядом [5, с. 672]. Получается, что отечественный исследователь Платона до конца не может определиться в вопросе: есть у Платона своя более-менее четко выстроенная философская система или нет, отсюда и такие противоречивые оценки.

Заслуживает также внимания мысль Н.И. Надеждина о том, что Платон, находясь между материализмом и пантеизмом, не жертвовал одним другому, но подчинил их одному вечному беспредельному началу; что у него опыт и умозрение сходятся вместе, как две дороги противоположные, ведущие к одной цели; что по его учению, весь мир является выражением единого начала беспредельного ума, идеи, первообраза всего существующего [5, с. 672].

При этом Н.И. Надеждин не называет учение Платона философией объективно-идеализма или же идеалистической философией, а просто располагает его между материализмом и пантеизмом. Примечательно и то, что в другой статье, «Идеология по учению Платона», Н.И. Надеждин также говорит о некоем среднем пути, на котором утвердился Платон, но здесь уже речь идет об идеализме и материализме как крайними точками. Таким образом, учение Платона, в понимании Н.И. Надеждина, это не вполне ясно, что такое, но отнюдь не идеализм. Платон, замечает Н.И. Надеждин, положивши идеи во главу угла своей философии, избежал двух пагубных крайностей: идеализма, недоверяющего (так написано у Н.И. Надеждина – Л.П.) чувственным воззрениям, и материализма, доверяющего одному только (слово, употребленное Н.И. Надеждиным – Л.П.) опыту; утвердился на среднем, безопасном пути и счастливо достиг до своей цели [4, с. 556].

В статье «Платон, философ оригинальный, систематический» перед нами не просто фиксация уважительного отношения к Платону, а, можно сказать, торжественный гимн личности гениального античного человека и мыслителя. Вот какие составные части гения Платона называет Н.И. Надеждин: а) пылкое и возвышенное воображение; б) пронизательный, тонкий и глубокомысленный рассудок; в) живое и пламенное чувство, созерцающее красоту во всем истинном и добром; г) сила воли, определяемая идеями ума; д) сердце чувствительное ко всем благородным, чистым и бескорыстным наслаждениям; е) чистое и ясное сознание; ж) ум высокий и чистый. И все эти части, подчеркивает он, соединились в сладостную, восхитительную и пленительную, и вместе в величественную, торжественную и высокую гармонию мудрости! [7, с. 549–550].

Это преимущество, по мнению Н.И. Надеждина, не было уже даром природы, а делом рук самого Платона, поскольку способности могли таковыми только и остаться, если бы он не позаботился об их дальнейшем развитии и образовании.

Особое значение в развитии философского образа мышления Платона Н.И. Надеждин отводит Сократу, что совершенно очевидно и что многократно подчеркивалось всеми исследователями. Кроме того, замечает Н.И. Надеждин, сам образ жизни Платона, с юных лет обуздывавшего свои страсти, избегавшего всяких распутств, отвращавшегося от предосудительных удовольствий, образовал в нем великого человека и философа.

Содержание статьи «Идеология по учению Платона» свидетельствует о том, что здесь Н.И. Надеждин употребляет термин «идеология» в его изначальном смысле, именно как учение об идеях (идеях Платона в данном случае). Статья начинается с утверждения, что идеи оставляют величайшее таинство Платоновой мудрости, они есть начало бытия и познания. Н.И. Надеждин констатирует также, что идеи Платона есть умственные представления предметов, возвышающихся над пределами чувственного опыта, которые, подобно им, неизменяемы, всегда себе равны, не приращиваются и не умаляются, а поэтому дают основание для всякого истинного знания и изображают собою сущность вещей [4, с. 554–555].

Согласно Платону, в изложении Н.И. Надеждина, идеи, как их подлежательное достоинство и ценность в организме человеческого духа, представляют собой следующее: а) они – единственные начала всякого правильного мышления, ибо содержат в себе образец единства, к которому направляется рассудок при сочетании многообразного в чувственных представлениях; б) на них, как на краеугольных камнях, вся система правильного мышления; в) идеи суть вместе и единственные начала всякого истинного познания; г) идеи это истинные представления вещей невидимых, изображения истинной сущности предметов видимых; д) область идей есть святилище непреложной истины, поскольку чувственные представления могут быть возводимы к идеям и рассматриваемы в чистом свете, то идеи могут быть причастны истине, а, следовательно, они служат основными началами как мышления, так и познания [4, с. 555–556].

После выяснения достоинства и ценности идей в духе человеческом, закономерно возникает вопрос: как происходят идеи в человеческом уме? Ответ в изложении Н.И. Надеждина в самом сжатом виде можно свести к тому, что Ум Божественный, как источник и начало идей, который вне и выше ума человеческого, должен был совершеннейшим образом отразиться в ограниченном уме человека, как существа разумного, и переселиться в него (в ум – Л.П.). Поскольку же верховный образец есть не что иное, как совокупность идей или представлений о вещах к непреложной первообразной их сущности, постольку идеи и появляются в уме человеческом. Настоящие умопредставления человека суть не что иное, как воспроизведенные представления или воспоминания древних, непосредственных созерцаний Божественного света Истины, Правды и Красоты [4, с. 556–557].

Предлежательная важность идей и истины видится Н.И. Надеждину в том, что: а) в Божестве все идеальное есть вместе и реальное, а посему нет разделения между мыслию и существованием; б) никакая действительность не может быть совершенно равна идее, поскольку идея может только постепенно раскрываться, а не вполне исчерпываться через явления, действительно существующие; в) наши идеи суть не что иное, как отсветы вечных мыслей предвечного архитектора (или Божественного Первоума), по которым как по первообразам устроена и создана вселенная, в чем и состоит подлежательно-предлежательная вещественность идей; г) все существующее существует только на основании того, что общего оно имеет с идеей (это общее выражается формулой: природа: идея = образ = первообраз). В качестве вывода Н.И. Надеждин заключает, что поскольку наши идеи представляют собой отражения идей Божественных, то отсюда очевидно, что ум наш может обнимать сущность вещей и истолковывать ее, а уже от нее, как от образа, возвышаться к Божеству, как источнику и первообразу всех существ [4, с. 558–560].

Завершается статья выявлением обширности ума и величины числа идей (круга, числа и родов). Кругозор умственного созерцания не имеет других пределов, кроме пределов бытия, потому идеи ума так же неисчислимы, как неисчислимы роды существ, населяющих область действительности. Первая коренная идея, составляющая сущность ума, есть идея отрешенного, а прочие идеи, в отношении к ней, суть как бы второстепенные [4, с. 560]. Прочитав знаменитый миф Платона о пещере, изложенный в VII книге «Республики» (этот диалог по-русски принято именовать «Государство» – Л.П.), Н.И. Надеждин замечает, что самое высшее в духе человеческом, коим освещаются все прочие его силы, есть идея отрешенного. Далее он делает вы-

вод о том, что идея отрешенного есть как бы средоточие всецелого мира идей. Все прочие идеи могут быть рассматриваемы в двух видах, потому что они или возвышены над пределами пространства и времени и не включаются в чувственном мире, или служат первообразами для него [4, с. 561–562].

Идеи первого рода сначала открываются в свете идеи о существе отрешенном. Это идеи того, что должно быть верховной целью для духовной деятельности. По поводу духовной деятельности Н.И. Надеждин замечает, что она проявляется в трех потоках: 1) способность познания; 2) способность ощущения; 3) способность «хотения». Для каждого рода деятельности должна быть своя верховная цель: для первого – истина (премудрость); для второго – красота (изящество); для третьего – благо (правда). Вот эти цели – восклицает Н.И. Надеждин – и есть идеи в собственном смысле!

На наш взгляд, здесь мы имеем дело с вольным обращением Н.И. Надеждина с известной триадой: «истина – добро – красота», поскольку место добра у него занимает правда, тогда, как хорошо известно, что у Платона благо это именно добро, а не правда. К тому же, и сам Н.И. Надеждин далее пишет, что к второстепенным идеям первого рода принадлежат первоначально идеи истинного, доброго и прекрасного [4, с. 562].

Сюда же Платон, согласно Н.И. Надеждину, причисляет умственные созерцания богов, под которыми понимает существа, возведенные на высшую степень совершенства, или лучшие идеалы. В результате Зевс есть идеал высочайшей силы и могущества, Афина – идеал мудрости и т.д. Идеи, принадлежащие ко второму роду, сосредоточиваются в одну идею вселенной. Эта идея, содержащая в себе первообраз всего мира, разрешается на бесчисленное множество идей. В составе этих идей можно выделить два главных вида: 1) идеи для законов, по которым составлены различные роды вещей; 2) идеи для каждого рода существ.

Идеи первого вида Платон называет иногда числами, а ко второму причисляет те представления ума, которыми объемлетс в совершенном единстве все неделимые одного рода. Н.И. Надеждин замечает также, что не имеет определенного решения вопрос о том, содержатся ли в уме Божественном первообразы или идеи для каждого неделимого существа? [4, с. 562–563]. По прочтении этой статьи остается ощущение некоторой незавершенности, отсутствия если уж не выводов, то хотя бы подведения итогов. Это тем более бросается в глаза, если учесть, что статьи эти печатались как самостоятельные и лишь потом были сведены в «маленькую монографию», по характеристике З.А. Каменского.

В статье «Метафизика Платонова» Н.И. Надеждин предполагал рассмотреть четыре вида метафизики: а) онтологию, б) богословие, в) космологию, г) психологию. При этом следует обратить внимание на несколько моментов: 1) Н.И. Надеждин в этой статье опять совершенно определенно указывает на отсутствие системы философии Платона, о чем говорит, например, его замечание, что «если все разбросанные в его сочинениях мысли и положения возвести к единству, то...» [6, с. 564]; 2) выделяется раздел «богословие», чего другие исследователи Платона, как правило, не делают; 3) в тексте статьи Н.И. Надеждин выделяет еще один раздел – ифика (так на русский язык переводили в XVIII и начале XIX вв. слово, которое сейчас переводится как «этика» – Л.П.). Однако во введении статьи об этом разделе даже не упоминается, хотя по объему он здесь самый большой.

По мнению Н.И. Надеждина, Платон не имел намерения особо рассматривать онтологию, поскольку она везде представлена у него как введение в философию и предназначена для приведения в систематический порядок общих понятий. Так, он допускает различия между понятием о том, что есть, и о том, что не есть; излагает, из чего должно состоять сущее, что есть часть и целое; что субстанция и случайное, что изменение и закон, причина и действие [6, с. 564].

Нельзя не согласиться с исследователем философии Н.И. Надеждина З.А. Каменским, обращающим внимание на то, что Н.И. Надеждин весьма вольно, кантианизированно переводит древнегреческие термины, чем сильно модернизирует Платона [3, с. 922–923]. Речь идет, например, о следующем: а) согласно Н.И. Надеждину, у Платона особенно замечательны его понятия о вещи самой в себе и явлении [6, с. 564];

б) Платон, пишет Н.И. Надеждин, излагает весьма строгое различие между вещью в самой себе и явлением [6, с. 564–565], в) он также говорит о соединении чувствований с чистым умственным и правильным эмпирическим мышлением [6, с. 576]; г) по мнению Н.И. Надеждина, изначально, после того как Бог вдохнул человеку ум, его (человека) блаженство «состояло в созерцании вещей в самих себе, в общении с идеями и Богом» [6, с. 573].

Излагая далее онтологию Платона, Н.И. Надеждин отмечает, что вещи в себе возвышенны над кругом чувственных представлений и характеризуются как неразрушимые, нетленные, несложные, единичные, целостные, не оскудевающие, не приращивающиеся, но всегда полные и равные самим себе, заключающие в себе отрешенное бытие. В то же время явления не обладают ни одним из этих свойств. Отсюда Н.И. Надеждин приходит к утверждению, что вещи в себе суть то же, что и идеи. Вещи сами в себе, заключает Н.И. Надеждин, составляют умственный мир первообразов для мира действительного, существующий чисто идеально в Божественном уме [6, с. 565]. Премудрое устройство мира Платон сравнивает с результатом работы свободно и творчески действующего художника, в силу чего мир явлений есть отпечаток идей или самое произведение всемогущего художника.

Платоновский образ художника, о котором говорит Н.И. Надеждин в предыдущем разделе, получает свою дальнейшую характеристику в разделе «боговедение», где учение о верховном всеизжительном (термин Н.И. Надеждина – Л.П.) художнике представлено как верх метафизики, а вернее, всей философии Платона. Причем делается это посредством доказательств бытия этого премудрого художника, т.е. Бога. Невольно напрашивается аналогия с доказательствами бытия Бога, представленными Фомой Аквинским. Однако если Ф. Аквинский, как известно, выделяет пять доказательств, то Н.И. Надеждин, опираясь на Платона, ограничивается тремя.

Первое доказательство – целесообразность и гармония в устройении вселенной, а особенно в организме и душе человека. Платон, по утверждению Н.И. Надеждина, даже представить себе не мог, чтобы человек, взирая на громаду мира, мог в этом усомниться [6, с. 566].

Второе доказательство – необходимость предположения безусловной причины для непрестанно изменяющихся явлений мира. Дело в том, что имеющиеся в природе покой и движение, постоянство и изменчивость предполагают причины – условные или безусловные, физические или свободные. Причем, если первые сами по себе не могут остановиться, требуя безусловной причины, не будучи в состоянии держаться ни на чем, то свободные существа, т.е. души человеческие, действуя безусловно, осознают свою ограниченность, требуя для себя высшей вины, существующей вне мира. А это должен быть ни кто иной, как Бог [6, с. 567].

Третье доказательство – необходимость раскрытия понятия о пределах и беспредельности. Неопределенное есть материя, а определенное – форма, соединенная в каждом существе. На примере человека, который не может сам произвести соединения определенного с неопределенным, т.е. души с телом, Платон считает, что соединение их предполагает внешнюю высшую силу. Это доказательство Н.И. Надеждин называет более тонким, нежели сильным [6, с. 567].

Вот эта верховная причина и есть Бог. Это Существо, по мнению Платона, высочайшее, вечное, единое, начало всякого блага и совершенства в мире, совершеннейший ум, первообраз и законодатель существ разумно-свободных (так – у Н.И. Надеждина – Л.П.), судья нравственных деяний и идеал святости, доступное только для умственного созерцания. Не унижая величия Бога, Его можно представлять под образом солнца, причем солнца не только вещественного, в качестве источника света и сияния, но и солнца духовного как единого и единственного существа. Н.И. Надеждин замечает при этом, что слова Платона о многих богах есть частично просто выражение общепринятого языка, а частично следствие его понятий о благих духах. Дело в том, что, по мнению Платона, все возводящего к Богу, последний совершает непосредственную беседу с человеком через благого духа. Более того, все лучшее и совершеннейшее, что имеет человек как в познании, так в нравственности, происхо-

дит от Бога, поэтому все, ищущие истины и святости, должны прибегать к Нему [6, с. 567–568].

В этом же разделе Н.И. Надеждин обращается к проблеме зла в интерпретации Платона. Логика рассуждения такова: поскольку Бог устроил вселенную по совершеннейшим идеям, значит все Им сотворенное должно быть совершенно, но тогда возникает вопрос, откуда берется зло?

К сожалению, Н.И. Надеждин, цитируя второе письмо Платона к Дионисию, в котором не дается ответа на вопрос об источнике зла, а только постулируется, что «зло не должно принадлежать природе человеческой», и, утверждая далее, что «метафизическое зло не есть зло, равно как и физическое; истинное же зло есть зло нравственное, которое есть источник всякого зла [6, с. 569], и сам никак не отвечает на вопрос: откуда берется зло?

Снимая, таким образом, с Бога ответственность за зло, потому что Он не есть виновник зла нравственного, а значит и никакого зла, Н.И. Надеждин оставляет вопрос открытым. В самом деле, что означает утверждение: «нравственное зло есть источник всякого зла»? Тогда возникает следующий вопрос, а нравственное зло и нравственность как таковая, откуда берутся – от Бога, от человека? Ведь она (нравственность) не может быть самой по себе, она не есть нечто существующее самостоятельно, поскольку является характеристикой чего-то, вернее, кого-то. Так же совершенно не конкретны и слова Н.И. Надеждина о том, что «цель всего мироправления находится в царстве нравственном» [6, с. 569]. Что это такое – «нравственное царство» – хотелось бы спросить? Но нет ответа у Н.И. Надеждина, нет даже надежды на его получение, ибо он, как правило, не особо утруждает себя разъяснениями по поводу своих положений. Поэтому эта своеобразная теодицея русского мыслителя в целом представляется нам, мягко говоря, не очень убедительной.

Вспомним в этой связи Августина Блаженного, который, отводя от Бога возможные обвинения в сотворении зла, в то же время четко указывает на источник зла, которое, по его мнению, происходит от самого человека, попавшего под влияние дьявола, как падшего ангела. Здесь, как видим, аргументация достаточно логичная и убедительная. К тому же, Августин Блаженный не противоречит и платоновскому положению: «зло не должно принадлежать природе человеческой». Да, не должно принадлежать и не принадлежит. Однако в силу указанной им причины зло, тем не менее, исходит в мир как раз от человека, который, по сути дела, есть «проводник» зла от дьявола и даже его (зла), скажем так, «воплотитель» в жизнь, что и подчеркивает А. Блаженный.

Заканчивается этот раздел мыслью о том, что Платоновое боговедение, отделенное от гилозоизма, объясняет мир через посредство Божественного ума или слова, упорчивая тем самым основания для истинного учения о мире или для космологии, чему и посвящен следующий раздел «космология».

Этот раздел как бы продолжает разделы «Онтология» и «Боговедение». В самом деле, здесь имеют место суждения о материи и форме, о пространстве, о Боге как творце материи и мира в целом. Космология Платона, по Н.И. Надеждину, будучи верна главным началам его философии, рассматривает природу с двух точек зрения: в преходящем существовании и непреходящей сущности. Он подчеркивает, что трудно с духом системы Платона согласовать понятие о вечной материи, так как положительное бытие он приписывает одному духу, а миру телесному – преходящее и феноменальное бытие [6, с. 570–571].

Что же касается собственно космологического учения Платона, как его представляет Н.И. Надеждин, то оно выглядит следующим образом. Вселенная это отпечаток Божественных идей и зеркало бесконечных совершенств, таких как: а) полнота; б) неразрушимость; в) неизменяемость; г) сферическая фигура; д) кругообразное движение. Н.И. Надеждин также подчеркивает, что этот совершенный мир, устроенный по совершенным идеям всемогущего Демурга, им сохраняемый и управляемый, нельзя объяснить без предположения наличия единого начала, единой силы движения, которая именуется Платоном душой мира. В силу того, что мир есть как бы некое живое существо, где видимые существа составляют его тело, а внутренняя неви-

димая сила – его душу, то одушевленными являются и части мира: стихии и светила как образы Богов [6, с. 572–573].

Особенную же цель мироправления (термин Н.И. Надеждина – Л.П.) составляет человек, учение о котором изложено в следующем разделе «Психология», который начинается с утверждения Н.И. Надеждина, что человек есть сокращенный образ мира. Заметим, что это похоже на известную формулу, согласно которой человек в античном понимании есть микрокосм. Далее следует своеобразное дуалистическое положение о том, что существо человека состоит как бы из двух душ: Божественной и души, происходящей из души мира. В то же время единство души, как нераздельного субъекта, остается невредимым. Своеобразный дуализм здесь в том, что классический дуализм в понимании человека сводится, как известно, к утверждению наличия тела и души.

Душа человеческая есть единое подлежащее, а ее деятельность открывается в трех различных образах действия (слово Н.И. Надеждина): познание, ощущение и желание. Содержащая в себе начало движения душа неизменяема, неразновидна, несложна, невидима и поэтому существенно различна от тела [6, с. 573].

Вечное движение бытия души подтверждается, по Платону, следующими доказательствами: а) из понятия о перемене состояния; б) из преждеопытных (слово, употребленное Н.И. Надеждиным – Л.П.) понятий, находящихся в душе; в) из невещественности и простоты души; г) из несовместимости понятия души с понятием смерти; д) из самодеятельности души; е) из понятий о добре и зле. Эти доводы Платона Н.И. Надеждин признает более остроумными, чем сильными, и отмечает, что Платон сам не был удовлетворен ими, и искал новых, призывая к необходимости трудиться ради поиска истины бессмертия души [6, с. 573–574].

Делая это замечание в адрес Платона, сам Н.И. Надеждин, однако, не в первый уже раз, не предлагает своего варианта решения вопроса, а просто переходит к разделу «Ифика» («Этика»). В начале раздела он опять говорит о «царстве нравственности», видя в нем верховную цель и конец всех умозрений. Н.И. Надеждин констатирует, что Платон, следовавший по стопам Сократа, как основоположника нравственной философии, пошел гораздо далее своего учителя. Согласно Н.И. Надеждиному, все нравственные положения Сократа можно свести к трем главным пунктам: а) понятие о верховном благе; б) основное начало нравственности; в) отношение нравственности к благополучию [6, с. 575].

Рассмотрим подробнее эти пункты в изложении Н.И. Надеждина.

А. Понятие о верховном благе Платон положил в основу своей нравственной системы. При этом блага разделяются на Божественные (все, желаемое человеком, как существом разумным) и человеческие (желаемое им, как существом разумно-чувственным). Всякое благо можно рассматривать как вожденное по следствиям; как само по себе без последствий; как само по себе, так и по последствиям. Благо верховное (отрешенное), служащее условием для всех других благ, есть благо вожденное само по себе. В его состав входят: а) правило и соразмерность; б) гармоническое, прекрасное и совершенное; в) разум; г) все опытные познания, истинные суждения и представления; д) все истинные и чистые приятные ощущения [6, с. 575–576]. Такое гармоническое целое можно уподобить миру, сотворенному от Бога.

Б. Н.И. Надеждин полагает, что вся нравственная философия Платона зиждется на формуле, согласно которой, стараться быть совершенным нужно для того, чтобы быть совершенным и быть в согласии с самим собой, подчиняя при этом животное в себе тому, что есть в себе человеческое и Божественное. Такое состояние духа именуется у Платона добродетелью, которая, подобно верховному благу, едина по существу своему и раскрывается в четырех главных видах. Это – *мудрость*, состоящая в совершенстве высших познавательных сил человека; *целомудрие*, объемлющее совершенство способности ощущения; *мужество*, слагающееся из совершенства силы воли; *правда*, объемлющая все обязанности человека в отношении к другим [7, с. 576–577].

В. По поводу отношения нравственности к благополучию, Н.И. Надеждин рассуждает следующим образом: поскольку нравственность есть величайшее благо и совершенство в самом себе, то она должна быть тождественна с блаженством разумных существ. Человек, который всегда верен нравственным законам, приобретает не только право на обладание высочайшим благом, но и обретает внешнее благосостояние. Нравственный человек наилучшим образом достигает своей цели и, обладая умением употреблять все вещи наилучшим образом, имеет право на любовь и уважение ближних, а также приобретает Божье благоволение и уверяет себя, что с ним не случится никакого зла, но все идет к лучшему.

Главнейшей целью гражданских обществ, в которых люди соединяются для сохранения и укрепления внешнего благосостояния, должен быть приоритет («преуспеяние», по Н.И. Надеждину – Л.П.) нравственности. Такие общества должны быть образованы по Божественным идеям гармонического, прекрасного и совершенного, а их целостность должна слагаться из трех состояний (правильнее было бы сказать: сословий – Л.П.): повелителей, защитников и подданных. Эти сословия должны состоять в гармонической связи и подчиненности. Платонова «Республика», по Н.И. Надеждину, как раз и представляет идеал таковых обществ. «Республика» есть не что иное, как совершенный мыслимый образец, к которому все действительные общества должны приближаться, чтобы быть союзами, достойными высокого и Божественного предназначения нравственных существ [6, с. 577–579].

На наш взгляд, здесь необходимо сделать одно замечание, а именно: выделение Н.И. Надеждиным сословия «подданных» так же оригинально, как и не совсем точно, т.е. сам термин не очень удачен. Как можно подумать, что «защитники» не являются «подданными». Конечно, они (защитники), возможно, и более свободны, во всяком случае, свободны от тяжелого производительного физического труда, но все равно они – «подданные», причем, подданные и своих верховных руководителей и самого государства в целом. К тому же, у Платона, строго говоря, речь идет о правителях, защитниках, торговцах и ремесленниках. Крупные отечественные исследователи Платона, такие как В.Ф. Асмус и А.Ф. Лосев, в этом плане более точны, чем Н.И. Надеждин. В одной из статей мы уже обращали внимание на то, что третье сословие В.Ф. Асмус называет просто работниками или ремесленниками, а А.Ф. Лосев – ремесленниками и земледельцами [8, с. 9].

Завершается эта «маленькая монография» выделением заслуг Платона, как мудреца и систематического философа. К ним Н.И. Надеждин относит: 1) составление и полное понятие философии, а также определение ее предмета, цели и содержания; 2) назначение для нее истинных границ и одушевление ее лучезарным и Божественным светом идей; 3) приближение ее к высокому назначению – быть питательной не только для ума, но и для сердца.

Поскольку все это Платон сделал первым, то его имя навсегда осталось достоянием истинной мудрости, а память о нем сделалась священной как для язычников, так и для христиан, одушевленных любовью к истине, настолько, что некоторые отцы церкви именовали его христианином до Христа и аттическим Моисеем, заключает Н.И. Надеждин [6, с. 579].

Интересно, что примерно через 75 лет (в 1904 г.) известный отечественный платоник П.А. Флоренский в работе об Оригене также подчеркивал влияние платонизма на христианское богословие.

Следует отметить, что монография Н.И. Надеждина о Платоне несомненно представляет определенный интерес для всех, изучающих историю античной философии... Абсолютная самостоятельность работы Н.И. Надеждина подтверждается и тем обстоятельством, что он сознательно лишил текст Платона диалогической формы. Эта работа Н.И. Надеждина интересна еще и потому, что опубликована она в 1828–1830 гг., т.е. в первые 50 лет с того времени, как в России появились первые публикации диалогов Платона в масонском журнале Н. Новикова «Утренний Свет» (1777–1778) [6, с. 217]. Небезынтересна она и для изучающих историю русской философии, будучи одним из оригинальных произведений отечественной философской мысли XIX в., который можно образно назвать «золотым веком» русского платоноведения.

Список литературы

1. Абрамов А. И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии / А. И. Абрамов // Платон и его эпоха. – М., 1979.
2. Глазков А. П. К вопросу о возможности влияния платонизма на православную аскетическую философию Руси / А. П. Глазков // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. – Астрахань, 2006. – Т. 3.
3. Каменский З. А. Комментарии и примечания / З. А. Каменский // Сочинения : в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 2. Философия.
4. Надеждин Н. И. Идеология по учению Платона / Н. И. Надеждин // Сочинения : в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 2. Философия.
5. Надеждин Н. И. Лекции по логике / Н. И. Надеждин // Сочинения : в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 2: Философия.
6. Надеждин Н. И. Мегафизика Платонова / Н. И. Надеждин // Сочинения : в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 2: Философия.
7. Надеждин Н. И. Платон, философ оригинальный, систематический / Н. И. Надеждин // Сочинения : в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 2: Философия.
8. Подвойский Л. Я. Платоносфера / Л. Я. Подвойский // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества монография. – Астрахань, 2005. – Т. 2.
9. Подвойский Л. Я. Социальная философия Платона в интерпретации российских философов второй половины XX в. / Л. Я. Подвойский // Научная мысль Кавказа. Научный и общественно-теоретический журнал. Приложение. – 2006. – № 14 (98).